
Елизавета Полухина

ЖИЛИЩНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья описывает смену индивидом места жительства, т.е. явление жилищной мобильности. Актуализируется идея изучения жилищного опыта, историй смены жилья и тенденций в изменении жилых пространств. Жилищная мобильность рассматривается преимущественно в контексте переездов внутри одного города. Предлагаемый анализ позволяет понять: (а) какие динамические процессы происходят в жизнедеятельности изучаемых групп и территорий; (б) как меняется социальная и физическая структура среды обитания; (в) какими смыслами наполняется это изменение. Оптика рассматриваемого явления помогает увидеть какие социальные группы «преуспевают» в рамках существующего порядка, а какие находятся в стагнации. Такая аналитика является значимой для обнаружения социальных проблем. Поднимаются вопросы о критериях выделения жилищного статуса как иерархической позиции, важности учета многокомпонентной структуры, влияющей на этот статус (значение жилья в структуре доходов, отношения собственности, характеристики основного места жительства). В статье сделан акцент на методических ограничениях изучения жилищной мобильности. Во-первых, показана неоднозначность в определении элементов жилищного статуса, границ в формировании жилищных групп и носителя статуса (семья или индивид). Во-вторых, обозначена проблема в определении генеральной совокупности. В-третьих, обсуждается недоступность наиболее «мобильных» и ресурсных групп, проживающих в «труднодоступных» жилых домах (подъездах с консьержами, например) и редко находящихся дома, что ограничивает опросы по месту жительства и вынуждает комбинировать различные методы сбора данных. В-четвертых, представленные в социологическом арсенале шкалы типов жилья и жилищных

Елизавета Валерьевна Полухина – к. с. н., доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, доцент ГАУГН, Москва, Россия. Электронная почта: epolukhina@hse.ru

условий разобщены и эмпирически не укоренены, так как не учитывают особенностей жилищного фонда и многокомпонентную структуру жилищного статуса россиянина. Адекватным методическим решением является работа с локальными территориями – малыми городами, районами, селами. В статье обозначена важность интеграции качественных методов, изучающих смысл жилищных изменений, и количественных, позволяющих понять их масштаб и динамику трансформаций при изучении жилищной мобильности.

Ключевые слова: жилищная мобильность, социальная мобильность, жилищный статус, типы жилья

DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-589-602

Социальное значение жилья

Жилище, будучи постоянным, «освоенным» местом обитания отражает статус и стиль жизни индивида, формирующим нормы поведения и привычки. Предрасположенность к схожим образцам поведения и общему восприятию ситуаций присущи индивидам одного жилищного опыта, схожей пространственной социализации. Поэтому место жительства можно считать социальным маркером, по которому люди могут идентифицировать друг друга. Это понимание тесно связано с идеей габитуса Пьера Бурдьё, который показал, что габитус формируется посредством места обитания и через «использование», «освоение» этого места. При этом габитус определяется как совокупность принципов, полученных из опыта, создающих и организующих повседневные практики, предполагающие «чувство места» и одновременно с этим «чувство места другого» (Бурдьё 2013: 64, 75). Так, место обитания (*habitat*)¹ и габитус (*habitus*) взаимосвязаны и влияют друг на друга. Именно поэтому Бурдьё (Bourdieu 1984: 517–518) использовал этнографический опрос для определения социальных позиций индивидов через место обитания как индикатор структурирования социального пространства. Его метод объединял наблюдение и анкетирование. Так, интервьюер, помимо заполнения анкеты, фиксировал характеристики жилья участника исследования (вид жилья, год постройки, число комнат, состояние подъезда, этаж), одежду респондента (его стиль, обувь), причёску, манеру говорить (стиль, ошибки, акцент).

В этом смысле жилищная мобильность как смена индивидом места жительства (Reh, Moore 1967: 216) отражает социальные изменения. Через изучение жилищного опыта, историй смены жилья и тенденций в изменении жилищных пространств, представляется возможным понять: (а) как меняется социальное и физическое пространство, (б) какими новыми смыслами

¹ Пер. с англ. и фр. – место обитания, место жительства, среда обитания.

наполняется это изменение, (в) какие динамические процессы происходят в жизнедеятельности изучаемых групп. К изучению такого рода изменений в жилищной ситуации применима логика социальной мобильности, т. е. анализ изменения социальной позиции групп или индивида.

Цель статьи состоит в том, чтобы продемонстрировать потенциал изучения жилищной мобильности как исследовательской оптики в анализе социальной мобильности. На основе теоретико-методологического материала будет предпринята попытка анализа, во-первых, имеющихся эмпирических работ и теоретических разработок по изучению различных аспектов жилищной мобильности и, во-вторых, методических возможностей и ограничений для дальнейших исследовательских перспектив. Оптика жилищной мобильности позволяет понять, какие социальные группы и территории «преуспевают» в рамках существующего порядка, а какие находятся в стагнации. Такая аналитика представляется значимой для обнаружения социальных групп, которые нуждаются в поддержке.

Жилье, стратификация и жилищная мобильность в советский период

Социальное значение жилья претерпевает множество изменений с течением времени. В советский период государство обеспечивало граждан жильем по месту работы. Качество предоставляемого жилья зависело, в основном, от положения индивида в иерархической структуре партии, трудового стажа, профессионального статуса, размера семьи и пр. Для определенных профессиональных групп строились жилые кварталы – районы для рабочих, номенклатуры, научных сотрудников и др. (см.: Меерович и др. 2011: 16–17). Таким образом, профессиональный и жилищный статусы соотносились друг с другом, а жилищные траектории как предполагаемые возможности переезда были предсказуемы (Полухина, Горяйнова 2015).

Проведенный анализ смены места жительства трех поколений москвичей в XX в.¹ позволил определить наиболее «мобильные» группы и причины переезда. Группы отражают конъюнктуру времени и сформированы на основе макрособытий, изменений в политике государства и биографических вех: революция, война, принципы плановой экономики, работа, учеба. Большая часть жилищных переездов носила скорее вынужденный характер, что соответствовало правилам функционирования системы (расселения и подселения, перевод на новое рабочее место или

¹ Эмпирические данные включают материалы о 21-й семье (всего проведено 38 интервью). Данные собраны в 1992–1994 гг. в Москве в рамках проекта «Век социальной мобильности в России» (рук. Д. Берто). Характеристики трех поколений: прауродители (1 поколение) от 1898 до 1917 года рождения, родители (2 поколение) от 1929 (один человек 1922) до 1953 года рождения, дети (третье поколение), рожденные с 1966 до 1970 г.

должность). В результате анализа биографических семейных интервью было выделено три «мобильные» группы: (1) совершившие профессиональный переезд в Москву в первом поколении и активно меняющие места жительства с постоянным улучшением; (2) совершившие образовательный переезд в первом поколении и имеющие комфортные жилищные условия лишь с последующим трудоустройством; (3) группа с нестабильным жилищным статусом из-за военно-политических условий (революция, войны), характеризуется частой сменой жилья и нестабильными механизмами его получения. На основе анализа жилищных траекторий изучены фактические семейные перемещения, акты смены жилья (фиксировались механизмы, причины, типы жилья), сделана типология жилищных траекторий, выделены различия среди трех изучаемых поколений (Полухина, Горяйнова 2015).

Результаты анализа биографических интервью советского периода открывают перспективы для изучения социальных аспектов жилищной мобильности. Во-первых, в этих данных есть потенциал для социальной диагностики изучаемой территории. Обозначенные в анализе группы и причины переезда дают представление не только о динамике жилищных отношений внутри семьи или поколения, но и сами по себе являются информацией о принципах функционирования изучаемого пространства. Выделенные группы (совершившие профессиональный переезд, образовательный переезд, группа с нестабильным жилищным статусом) отражают конъюнктуру того времени, т.е. причины переезда опосредованы не личными потребностями индивидов, а преимущественно структурными изменениями и задачами плановой экономики.

Во-вторых, имеет значение обнаружение «латентных» групп с нестабильным жилищным статусом из-за военно-политических условий. Эта группа ранее не была обозначена и ее размер на данный момент неизвестен. Жилищные траектории этих семей характеризуются регулярной сменой мест жительства в первых двух поколениях. Они были «выселены» из своих квартир вследствие военных либо революционных событий. В дальнейшем им предоставлялись скромные условия обитания в коллективных формах жилья – коммунальных квартирах, общежитиях.

В целом, обращаясь к жилищной мобильности как к аналитической перспективе, мы имеем возможность изучения социальной структуры и социального пространства через анализ причин, механизмов и характера совершаемых переездов, а также определение ранее проигнорированных социальных групп.

Неравенство и «жилищный» вопрос в постсоветской России

В постсоветской России «жилищный» вопрос, преимущественно, делегирован на уровень семьи и индивида. Это обуславливает, в свою

очередь, иную динамику переездов. Социальная дифференциация обостряется в связи с изменениями жилищной политики и коммерциализации жилищной сферы. Так, по данным опроса 2015 г. проблема жилищных условий является второй по значимости для представителей «среднего» класса, в том время как первое место занимает неравенство в доходах, а третье – неравенство в доступе к медицинским услугам (Институт социологии РАН 2016: 23).

Новые условия порождают и новые социальные группы. В качестве таковой появляется класс рантье, получающих доход за счет недвижимости и имеющих возможность не участвовать в трудовых отношениях. По данным столичного департамента жилищной политики и фонда, 120 тыс. москвичей имеют в собственности более двух квартир (Гунина 2011). С другой стороны, в периоды экономических кризисов (2008–2009 гг., 2014–2015 гг.) обостряются связанные с жильем проблемы социально незащищенных групп («обманутые дольщики», плательщики «долларовой ипотеки»), образовавшихся вследствие нестабильности рыночных институтов. Одновременно с этим, получает актуальность городская номадизм – сознательный отказ от постоянного места жительства (Ткач, Бредникова 2010). Зачастую именно городская молодежь оказывается в ситуации «кочевничества», частой смены жилья, жизни «на два» и более домов. Отсутствие стабильности, неустойчивый характер занятости, тенденции к «прекарности» отражаются на жилищных условиях людей. Результаты исследования о «сняемом» жилье показали: найм расценивается как переходный этап, а обладание собственной квартирой – как норма (Черкашина, Караваева 2015).

Переход от распределения жилья государством к рыночным механизмам формирует явление, которое можно назвать статусной «неконсистентностью»: ситуации, когда социальный и жилищный статусы несогласованы. Примером такого рода статусной неконсистентности служит группа одиноких низкодоходных пенсионеров, проживающих в престижных городских районах. Они являются владельцами дорогостоящего жилья, однако слабо обеспечены ресурсами в других сферах (денежные доходы, здоровье, профессиональные позиции) и зачастую исключены из городской инфраструктуры (трудности с передвижением, покупкой продуктов в магазинах района проживания). Поэтому многие городские пенсионеры отдают предпочтение дачному образу жизни, особенно в теплый период (Полухина 2014).

Проблема жилищного неравенства актуальна для молодых и многодетных семей. Исследования показывают, что основа жилищного благополучия многих молодых семей – приватизированное советское жилье, доставшееся по наследству (Zavisca 2012). Постсоветское поколение в большинстве случаев лишено возможности приобретения собственного жилья, поэтому они либо живут в наследуемом, либо частично или полностью обменивают его на новое. Анализ статистических данных и опросов

о жилищных условиях показал: «Наиболее депривированы домохозяйства с детьми в возрасте до 18 лет. Проблема жилья стоит перед многопоколенными семьями, когда взрослые дети проживают в домохозяйстве родителей. Лучше всего обеспечены жильем граждане в начале и в конце жизненного пути, живущие либо одиноко, либо с супругом» (Бурдяк 2015: 288).

Рантье, «дольщики», городские «кочевники» (номадизм) – эти группы ведут различные стили жизни, имеют разные возможности и отношение к жилью. Обратимся к эмпирическим исследованиям, которые ставили своей непосредственной задачей изучение социальных групп, образованных по жилищному принципу.

Жилищная мобильность и группы: границы и критерии выделения

Под жилищной мобильностью в основном подразумевают внутригородские переезды, в результате которых меняется тип жилья (отдельный дом, квартира в многоквартирном доме, комната и пр.) и его условия (комфортность, район проживания, площадь, количество комнат). Так, проблематика жилищной мобильности в современной России изучалась на примере Сыктывкара (Кротов и др. 2003; Трофимов 2008). Показана взаимосвязь между жилищным (жители однотипных домов), экономическим и социальным классом. Занимающие наивысший уровень в жилищной стратификации, преуспевают и в остальных нишах – экономической и социальной (Кротов и др. 2003). Как указывалось ранее, в СССР «перспектива жилищных перемещений в большей степени определялась профессиональным статусом работающего члена семьи» (Полухина, Горяйнова 2015: 55), т.е. жилищный статус тоже являлся индикатором социально-экономического положения. Анализ данных из Сыктывкара показывает, что социально-экономические характеристики людей, которые в 1980-х гг. жили в квартирах идентичны и в 1990-е гг. Иначе говоря, выделенные индикаторы стабильны и консистентны. Таким образом, именно «тип жилья» закрепляет за собой определенную социальную группу: жители меняются, но они воспроизводят социально-экономические характеристики ранее проживающих жильцов. Исследователи доказали, что именно тип жилья формирует классовую принадлежность.

Под жилищной стратификацией понимаются типы жилищ, образующие иерархию на основе их характеристик (Корнев 2005). Елена Шомина разработала концепцию «социальной жилищной лестницы»¹, включающую

¹ «Социальная жилищная лестница», по Шоминой (2010), состоит из восьми ступеней: владелец многоквартирного дома; собственник частного дома; собственник квартиры в многоквартирном доме; член жилищного кооператива; квартиросъемщик; житель общежития; сквоттер (захватчик пустующего жилья); бездомный (житель приюта).

восемь иерархических ступеней: от владельца многоквартирного дома до бездомного (Шомина 2010). Типология новосибирских исследователей (Бессонова, Крапчан 1994) определяет позицию семьи в жилищной стратификации по признаку «просторности» проживания. Они выделяют количество жилой площади на одного человека, соотношение комнат и проживающих. Их типология начинается с высшего класса (собственник благоустроенного отдельно стоящего дома с числом комнат больше, чем число жителей, и площадью более 18 м² на одного члена семьи) и заканчивается низшим классом (жители коммунальной квартиры).

Исследователи из Санкт-Петербурга, рассматривая жилищную стратификацию, использовали в качестве критериев тип заселения (отдельное/совместное), права собственности и число зарегистрированных проживающих. Они выделили: первый наивысший жилищный класс, который включает владельцев отдельных доходных квартир (рантье); второй класс, представленный жителями частных квартир; третий класс – жители неприватизированных квартир. Следующие три класса определяются в зависимости от собственности на коммунальную жилплощадь: на доходные комнаты – четвертый класс; частные комнаты – пятый класс; и неприватизированные комнаты – шестой класс (Корнев 2005).

Анализ типологий позволяет определить критерии для выделения жилищного статуса. Во-первых, это роль жилых помещений в структуре доходов (арендатор, зарабатывающий на сдаче жилья, или съемщик, платящий арендатору); во-вторых, статус места жительства в структуре территории проживания (периферия, центр); в-третьих – тип и характеристики основного места жительства (дом или квартира, год постройки, тип заселения, материал стен, благоустройство дома и дворовой территории, просторность жилья, т.е. объем жилой площади на одного человека, соотношение комнат и проживающих, число зарегистрированных проживающих). На основе совокупности этих признаков может быть выстроена иерархичная структура, позволяющая либо повышать статус (восходящая жилищная мобильность), либо понижать (нисходящая жилищная мобильность).

Неопределенный жилищный статус

Традиционно при изучении жилищной мобильности используют преимущественно количественные методы. Однако определение «прошлого» жилищного статуса с помощью опроса имеет ряд сложностей. Так, респонденты с трудом вспоминают детали своего прежнего жилья. На вопросы, обращенные к прошлому опыту, склонны отвечать в современных категориях. Это приводит к смысловым смещениям и, как следствие, некорректности в определении статуса. Выходом может быть просьба сообщить фактический адрес предыдущего места жительства. Современные

базы данных,¹ согласованные с Бюро технической инвентаризации (БТИ),² позволяют подробно узнать характеристики дома. Нетривиальное методическое решение наблюдается у британских социологов, которые предложили участникам онлайн опроса, помимо обозначения рыночной цены жилья, выбрать изображение их района (Рис. 1).

Носителем жилищного статуса часто является домохозяйство, при допущении, что положение всех членов домохозяйства одинаково. Однако мы понимаем, что собственником либо получателем доходов от жилья могут быть конкретные индивиды, а не все члены домохозяйства. Более того, положение некоторых членов домохозяйства может быть менее «привилегированным».

Современные исследовательские инструменты часто не учитывают наличие у домохозяйства дополнительных жилых помещений, помимо основного жилья. Так, по данным комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ), проведенного в 2011 г., 17% россиян обладает дополнительными жилыми помещениями, к которым относятся загородное жилье, различные виды «сезонных домов» (дачи), вторые квартиры (Росстат 2016). В свою очередь, ближние дачи, расположенные в 20–30 км от города, постепенно становятся всесезонными, происходит одомашнивание дачного пространства, превращение его во второй или основной дом (Полухина 2014). Хозяева дополнительных жилых помещений часто выступают арендодателями, а жилье – способом получения дохода, соответственно, наличие дополнительного жилья становится важным элементом в определении жилищного статуса. Однако механизм изучения качества этого жилья и характера отношений между ним и домохозяйством требует методической проработки.

Сложности в определении жилищного статуса, оснований для формирования жилищных групп влекут проблему шкал измерения. Существующие шкалы типов жилья и жилищных условий достаточно неконсистентны (выделяют типы жилья по разным признакам – годам постройки, народным названиям («сталинки», «хрущевки»), развитости инфраструктуры). Массовые опросы имеют дело с всероссийскими выборками и из-за масштабности объекта изучения, не учитывают особенностей как жилищного фонда страны или конкретных территорий, так и неоднозначную структуру жилищного статуса.

¹ Федеральный портал недвижимости (gdeetotdom.ru) содержит информацию о жилых помещениях Москвы, Московской области и других регионов. Портал позволяет узнать следующую информацию о доме: этажность, год постройки, материал стен, процент износа и пр.

² Региональные БТИ предоставляют информацию о доме (этажность, год постройки, материал стен). В Москве эту информацию можно получить через сайт, введя адрес интересующего дома (mosgorbti.ru).

Жилищная мобильность: в поисках генеральной совокупности и адекватных способов репрезентаций

Надежным источником для изучения вопросов жилья и мобильности являются данные жилищного фонда (совокупность всех жилых помещений, находящихся на конкретной территории). Эти данные представляют основу для понимания генеральной совокупности. На основе данных жилищного фонда формируются группы, которые далее представляют иерархию и классовую структуру. Подобным образом действовал коллектив исследователей в Сыктывкаре (Кротов и др. 2003; Трофимов 2008). Далее был разработан инструментарий, включающий при отборе респондентов квоты на различные типы жилья (квотный тип выборки). Разработанная схема классов нашла отражение в формулировках вопросов и шкалах.

Массовые опросы, проводимые по месту жительства, без привязки к квотам по типу жилья, разработанным на основе данных жилищного фонда, характеризуются «смещениями». При квартирном опросе среди физических препятствий на пути интервьюера встречается проблема доступа в подъезд – один из элементов технической недостижимости. Попаданию в подъезд препятствует наличие домофона, кодового замка и консьержа (Рогозин, Ипатова 2015: 83). Есть множество труднодоступных жилищных объектов, которые традиционно не попадают в выборки. К ним, например, относится «элитное» жилье, находящееся под охраной или удаленное от основных узлов общественного транспорта. Однако экономический, социальный и жилищные классы взаимосвязаны и поэтому в «квартирные» опросы практически не попадает категория высокостатусных жильцов, и с большой вероятностью – высокомобильные группы. В свою очередь, «отсутствие капитала приковывает к месту <...> и наоборот присутствие одновременно в нескольких местах происходит благодаря экономическому и символическому господству над средствами транспорта и коммуникации» (Бурдые 2013: 56). В таком случае доступные для интервьюера – т.е. оказавшиеся дома в момент опроса, – это, вероятно, лишенные капиталов группы, пенсионеры, инвалиды, дети, безработные. В то время как наиболее ресурсные и мобильные люди находятся где-то еще.

Релевантные данные переписей тоже могут быть источником надежной информации о генеральной совокупности, поскольку они стремятся к репрезентативности, более масштабны, по ним выше достижимость респондентов, так как проводится массовое информирование граждан. Более того, данные переписи включают подробную информацию о жилищных условиях респондента: тип дома, год постройки, материал стен, число комнат, количество проживающих. Жилищных условий касаются всероссийские мониторинговые исследования, такие как Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS), Панельное социально-демографического обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье

и обществе» (РиДМиЖ), «Человек, семья, общество» при РАНХиГС, КОУЖ. Однако к перечисленным опросам применимы ограничения, обозначенные выше – недостижимость труднодоступных жилых домов, подъездов с консьержами, «мобильных» респондентов, находящихся вне дома. Исследовательским ответом на проблему доступности респондентов является группа «мобильных» методов, позволяющих участвовать в перемещениях вместе с респондентом, фиксирование актов мобильности с помощью различных устройств и исследовательских техник (Глазков, Стрельникова 2015). К таким методам сбора данных относят картографирование, дневники мобильности и исследование при помощи мобильных гаджетов, имеющих доступ в интернет (смартфонов, планшетов) и другие.

Заключение

В статье предпринят анализ потенциала жилищной мобильности как исследовательской оптики. Обзор эмпирических работ по данной тематике позволяет заключить, что обращаясь к жилищной мобильности как к аналитической перспективе, мы имеем возможность: (а) социальной диагностики территории через изучение причин, механизмов и характера совершаемых переездов; (б) определения новых значимых социальных групп и проведения мониторинга динамики известных; (в) реализации сравнительных исследований среди групп, проживающих в разных типах жилья, на основе одного из основных признаков классовой принадлежности.

Однако жилищная мобильность как исследовательская оптика требует «настройки». Так, одновременно с возможностями были обнаружены и ограничения. Во-первых, продемонстрирована неоднозначность в определении элементов жилищного статуса, границ жилищных групп и носителей статуса (семья или индивид). Во-вторых, нерешенной остается задача определения генеральной совокупности. По какому критерию необходимо достигать репрезентативности – по типу жилых помещений, домохозяйству (семья или индивид) или по стилю жизни обитателей жилья? В-третьих, недоступность при опросах по месту жительства наиболее «мобильных» и ресурсных групп, проживающих в закрытых жилых домах, подъездах с консьержами и редко находящихся дома. Это становится важным ограничением в изучении аспектов социальной мобильности, особенно жилищной, где значима представленность многообразия типов жилья, отношений, условий и стилей жизни. В-четвертых, представленные в социологическом арсенале шкалы типов жилья и жилищных условий являются разобщенными и эмпирически неуко-рененными, так как не учитывают особенностей жилищного фонда страны и многокомпонентную структуру жилищного статуса россиянина.

Возможным методическим решением является работа с локальными территориями – небольшими городами, районами, селами. Там более выполнима задача репрезентативности, а в силу меньшего числа объектов

анализа – больше возможностей для изучения динамики жилищных статусов, их адекватной интерпретации. В свою очередь, формирование групп по выделенным признакам должно происходить в непосредственной привязке к изучаемой территории и на основе данных жилищного фонда – всей совокупности жилых построек.

Таким образом, массовые опросы позволяют получить информацию о фактических передвижениях индивидов. Однако недостатками такого подхода является редукция многих аспектов жилищного статуса и мобильности, включающих комплекс внутрисемейных процессов и других отношений. Преимуществами качественного подхода является возможность изучения субъективных смыслов, расстояний, значений переездов, историй жилья (Bruch, Mare 2012). Выход видится в интеграции подходов, объединении объективных и субъективных способов оценки жилищных условий и статуса.

Выражения благодарности

Статья написана в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI – четыре генерации российской истории», поддержанного Российским научным фондом (грант № 14–28–00217).

Список источников

- Бессонова О. Э., Крапчан С. Г. (1994) Участие населения в приватизации жилья. *Социологические исследования*, (8–9): 27–40.
- Бредникова О., Ткач О. (2010) Дом для номады. *Laboratorium*, (3): 72–95.
- Бурдые П. (2013) *Социология социального пространства*, СПб.: Алетейя.
- Бурдяк А. Я. (2015) Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений. *Журнал исследований социальной политики*, 13 (2): 273–288.
- Глазков К. П., Стрельникова А. В. (2015) Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии. *ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*, (10): 79–91.
- Гунина А. А. (2011) Современные российские рантье: особенности социального состава и образа жизни. *Социологические исследования*, (11): 75–78.
- Институт социологии РАН (2016) *Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов*. Доступно по ссылке: <https://goo.gl/RjdvkW> (дата обращения: 17 мая 2016).
- Корнев Н. Р. (2005) Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга. *Социологические исследования*, (6): 77–85.
- Кротов П. П., Буравой М., Лыткина Т. С. (2003) *Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели*, Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН.
- Меерович М. Г., Конышева Е. В., Хмельницкий Д. С. (2011) *Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.)*, М.: РОССПЭН.

- Полухина Е. В. (2014) Особенности социального порядка в постсоветском дачном пространстве: труд, поколение и гендер. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, (3): 22–31.
- Полухина Е. В., Горяйнова А. Р. (2015) Жилищные траектории московских семей в XX веке как объект вторичного анализа биографических интервью. *ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*, (10): 47–59.
- Рогозин Д. М., Ипатова А. (2015) *Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» поквартирных опросов?* М.: Радуга.
- Росстат (2016) *Комплексное наблюдение условий жизни населения*. Доступно по ссылке: <https://goo.gl/O11NxH> (дата обращения: 16 мая 2016).
- Трофимов Д. А. (2008) Логлинейный анализ таблиц мобильности: обзор основных моделей. *Социология*: 4 М, (26): 119–138.
- Черкашина Т. Ю., Караваева Е. Ю. (2015) *Наём жилья: дифференциация квартиросъемщиков и жилищных условий*. Доступно по ссылке: <https://goo.gl/HTZ0WX> (дата обращения: 16 мая 2016).
- Шомина Е. С. (2010) *Квартиросъемщики – наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья*, М.: ВШЭ.
- Bruch E. E., Mare R. D. (2012) Methodological Issues in the Analysis of Residential Preferences, Residential Mobility, and Neighborhood Change. *Sociological Methodology*, 42 (1): 103–154.
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Rex J., Moore R. (1967) *Race, Community and Conflict: A Study of Starkbrook*, London: Oxford University Press.
- Zavisca J. R. (2012) *Housing the New Russia*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Elizaveta Polukhina

HOUSING MOBILITY: APPROACHES FOR SOCIOLOGICAL ANALYSIS

This article examines housing mobility among individuals, viewing it as a dynamic process of moving to another home. The idea of studying housing experiences, housing conditions and trends is introduced as a new research direction in this paper. These data allow us to understand: (a) what kind of dynamic processes take place within the studied groups and regions; (b) how social and physical structures have changed; (c) what new meanings are emerging from this process. Housing mobility offers an optical lens that can shed light on social problems by revealing what social groups are 'doing well' within the existing order, and which are stagnating or in decline. The article examines the criteria for singling out housing groups, including their multi-component structure, such as housing serving as a source of income, property relations, and the characteristics of a primary housing unit. Based on the analysis of housing groups, we raise the question of drawing the boundaries for their identification. The article also touches upon some of the constraints in studying housing mobility. Firstly, it is shown *inter alia* that there is some ambiguity in determining housing status, and the boundaries between housing groups, and the bearer of the housing status can be blurry (family or individual). Secondly, the problem of sampling (general population) was also revealed. Where should the priority be in achieving a representative sample? Should the focus be on the types of dwellings, who lives there (families, individuals) or the lifestyles of those living there? Thirdly, this article shows that it is methodologically challenging to survey the most 'mobile' and resourceful groups within housing. Not only do they live in hard-to-reach houses and buildings 'guarded' by concierges, these 'mobile' people are rarely at home. Therefore, these groups are hard to include in household surveys, and various methods of data collection and tracing techniques have to be used to reach them. Fourthly, the types of housing scales used are fragmented and empirically rootless. An adequate methodological solution may be found by working with local communities, be they small towns, districts, or villages. The article also focuses on the importance of integrating qualitative methods, which help discover the changes in the meanings, and quantitative methods, which show the scale and dynamics of housing mobility.

Keywords: housing mobility, types of housing, housing status, social mobility

DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-589-602

Elizaveta Polukhina – PhD, associate professor in faculty of social sciences, National Research University Higher School of Economics (HSE), associate professor in sociological faculty, State Academic University for Humanities, Moscow, Russian Federation. Email: epolukhina@hse.ru

References

- Bessonova O. E., Krapchan S. G. (1994) Uchastie naseleniya v privatizatsii zhil'ya [The Participation of People in Privatization of the Habitation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (8–9): 27–40.
- Brednikova O., Tkach O. (2010) Dom dlya nomady [What Home Means to the Nomad]. *Laboratorium*, (3): 72–95.
- Burd'e P. (2013) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The Sociology of the Social Space], St. Petersburg: Aleteyya.
- Burdyak A. Ya. (2015) Obespechennost' zhil'em v postsovetskoj Rossii: neravenstvo i problema pokoleniy [Housing in post-soviet Russia: Inequality and the Problem of Generation]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 13 (2): 273–288.
- Glazkov K. P., Strelnikova A. V. (2015). Mobil'nye metody: dvizhenie kak chast' issledovatel'skoj strategii [Mobile Methods: Movement as a Part of Research Strategy]. *INTER*, (10): 79–91.
- Gunina A. A. (2011) Sovremennyye rossiyskie rant'e: osobennosti sotsial'nogo sostava i obraza zhizni [Modern Russian Rent-seekers: Characteristics of Social Structure and Lifestyle]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (11): 75–78.
- Institut sotsiologii RAN (2016) *Rossiyskiy sredniy klass v usloviyakh stabil'nosti i krizisov* [The Russian Middle Class in the Context of Stability and Crises]. Available at: <https://goo.gl/RjdvkW> (accessed 17 May 2016).
- Kornev N. R. (2005) Zhilishchnaya stratifikatsiya v tsentre Sankt-Peterburga [Housing Stratification in the St.-Petersburg Downtown]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (6): 77–85.
- Krotov P. P., Buravov M., Lytkina T. S. (2003) *Zhilishchnaya stratifikatsiya goroda: rynochnaya evolyutsiya sovet'skoy modeli* [Residential Stratification of the City: the Market Evolution of the Soviet Model], Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Uro RAN.
- Meerovich M. G., Konyshcheva E. V., Khmel'nitskiy D. S. (2011) *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [Cemetery of the Sotsgorod: the Urban Policies in the USSR (1928–1932 y)], Moscow: ROSSPEN.
- Polukhina E. V. (2014) Osobennosti sotsial'nogo poryadka v postsovet'skom dachnom prostranstve: trud, pokoleniya i gender [The Peculiarities of Social Order in the Space of Post-Soviet Dacha: Work, Generations and Gender]. *Labirint*, (3): 22–31.
- Polukhina E. V., Goriainova A. R. (2015). Zhilishchnye traektorii moskovskikh semey v XX veke kak ob'ekt vtorichnogo analiza biograficheskikh interv'yuu [Housing Trajectories of Moscow Families in the XXth Century as the Object of Secondary Biographical Analysis]. *INTER*, (10): 47–59.
- Rogozin D. M., Ipatova A. (2015) *Naskol'ko razumna nasha vera v rezul'taty 'bumazhnykh' pokvartirnykh oprosov?* [How Reasonable is our Trust in the Results of the 'Paper' Door-Polls?], Moscow: Raduga.
- Rosstat (2016) *Kompleksnoe nablyudenie usloviy zhizni naseleniya* [Complex Monitoring of Living Conditions]. Available at: <https://goo.gl/O11NxH> (accessed 16 May 2016).
- Trofimov D. A. (2008) Loglineynyy analiz tablits mobil'nosti: obzor osnovnykh modeley [Log-Linear Analysis of Mobility Tables: the Review of the Main Models]. *Sotsiologiya: 4 M* [Sociology 4M], (26): 119–138.
- Cherkashina T. Yu., Karavaeva E. Yu. (2015) *Naem zhil'ya: differentsiatsiya kvartirov'emshchikov i zhilishchnykh usloviy* [Rent of housings: differentiation of tenants and housing conditions]. Available at: <https://goo.gl/HTZ0WX> (accessed 16 May 2016).
- Shomina E. S. (2010) *Kvartirov'emshchiki – nashe 'zhilishchnoe men'shinstvo': rossiyskiy i zarubezhnyy opyt razvitiya arendnogo zhil'ya* [Renters are our 'house-minority': Russian and foreign experience in the development of rental housing], Moscow: VShE [HSE]